

— Но не только у меня одного портились отношения с Гострем. Периодически от него взывали то Иванов, то Лаговский, то Саенко, то Сивицкий, то Ермоленко, то ещё кто-нибудь. Иванов в тот год возглавлял объединённую парторганизацию ЛПФ и КМИО, членом которой был, разумеется, и Гострем. Собственно Иванову он никаких особых гадостей не делал, скорее наоборот - Гострем не забыл про него, когда Иванов лежал в больнице с отрезанной ногой и неясными перспективами на будущее, навестил его там, поддержал морально... И Иванов до поры до времени служил ему верой и правдой, почитая его как учёного и крупного организатора науки. Но по мере накопления опыта контактов с ним по конкретным вопросам росло разочарование.

— Под иностранным косноязычием скрывались бесконечные попытки очковтирательства, надувательства по мелким и крупным вопросам, сумбурность в мышлении и действиях, деспотизм до дурости, наушничество под видом исключительной доверительности. Даже положительное в начинаниях Гострема неизбежно приобретало окраску авантюризма, несерьёзного мероприятия. С коммунистическими идеалами, чистосердечным приверженцем которых был Иванов - физтеховский стройотрядовский активист, всё это никак не вязалось. Попытки партийной критики, предпринимавшиеся, к его чести сказать, Ивановым, не находили поддержки у основной массы рядовых членов объединённой парторганизации, не привыкших критиковать начальство, да к тому же такое титулованное - доктор наук, профессор!

— Временами то я, то Иванов, то ещё кто-нибудь спонтанно пытались возбудить общественность против Гострема по какому-либо конкретному поводу, но каждый раз не хватало единого боевого настроения, так как повод обычно затрагивал не всех, а лишь кого-нибудь. К тому же Гострем всячески старался не допустить консолидации сил, наговаривая одному на другого, причём как бы между прочим, походя:

— О, я знаю, Вы на самом деле не такой дурак, как о Вас Намгаладзе (или там Саенко, или Лаговский) думает! - и т.д., и т.п. И хоть все уже знали Гострема, осадок от этих намёков порой оставался.

— И неясно было главное: как с ним бороться и к чему стремиться? Перевоспитать его? Безнадёжное дело. Добиться ухода? А нужно ли? Не развалится ли с его уходом вся наша контора, справимся ли без него со всеми намеченными и объявленными планами? Если не справимся, то на него тогда уже вину не свалишь. Все эти вопросы горячо дебатировались между нами в периоды локализованных вспышек протеста, но единое мнение пока не вырабатывалось. Лично я не сомневался в целесообразности изгнания Гострема, очень быстро на эту же точку зрения встал Лаговский, склонялся к ней и Иванов, и даже Саенко терял остатки уважения к Гострему, но как его изгнать, и возможно ли это в принципе - было совершенно неясно.

— Наибольшее число людей из научно-технического персонала обсерватории и ЛПФ возбудил против себя Гострем своей авантюрой с ЭВМ. Долгожданная ЕС-1020 была летом, наконец, получена и стояла нераспакованная в огромных ящиках в конференц-зале. Машина предназначалась прежде всего для ИДК, но заинтересованы в её скорейшей установке были все, в том числе и наша группа моделирования. Хотя ЭВМ эта по быстродействию в десятки раз уступала БЭСМ-6, на которой мы считали в Вильнюсе, мы всё же надеялись хоть часть задач - вспомогательных, отладочных - выполнять на ней, чтобы не по каждому поводу ездить в Вильнюс. Что касается Лаговского, Саенко, Кореньковой, Иванова, то у них вообще практически вся работа по "Каштану" стояла сначала из-за отсутствия ЭВМ, а теперь из-за того, что она не была установлена и запущена. И им никакой Вильнюс не мог помочь - машина должна была в непрерывном режиме ("в реальном времени", как говорят) обрабатывать информацию, поступающую в неё с установленных в обсерватории датчиков, стыкованных, соответственно, с машиной.

— Казалось бы это вопрос следовало решать в первую очередь. Но Гострем не

торопился, и было неясно даже, где - в Ульяновке или в Калининграде будет устанавливаться машина. А ведь для её установки были нужны не просто обширные площади, которых не имелось, а специально оборудованные - с фальшполом, фальшпотолком и кондиционированием, обеспеченные стабильным электропитанием, тогда как в Ульяновке скачки напряжения в сети превышали все допустимые пределы. Лаговский предлагал Гострему ставить машину в университете, Саенко - в Ульяновке, а тот отвергал все варианты: - Это не то, так сказать... - и не предлагал никаких взамен. —Наконец выяснилось, что ему взбрела в голову следующая идея. На Калининградском машиностроительном заводе "Кварц" готовились к получению своей ЭВМ той же марки, что и у нас: ЕС-1020 и уже почти оборудовали помещение для неё. Сама же машина к ним ещё не поступила и неизвестно было, когда поступит. Гострем связался с директором завода и предложил ему до получения их собственной машины установить нашу с тем, чтобы она работала и на завод, и на наши задачи. Директор не возражал, к тому же Гострем обещал ему помочь с окончательным оборудованием машинного зала. Все же наши сотрудники считали этот вариант неприемлемым. Ведь машина предназначалась для оперативной круглосуточной обработки информации, получаемой на ИДК, а как передавать эту информацию с датчиков, установленных в Ульяновке, на машзавод? Пробивать каналы связи? Это легче собственный ВЦ построить. Записывать информацию на магнитную ленту и возить её в Калининград? Но какой же это "режим реального времени"?

—А главное, предполагалась полная загрузка машины этой обработкой, даже на задачи по моделированию планировались лишь "окна", когда, допустим, датчики выйдут из строя, но Гострем, похоже, ничего об этом не сообщил директору машзавода. У тех же, наверное, своих задач хватало, и непонятно было, как Гострем предполагал делить машинное время между двумя организациями, и зачем вообще нужна эта неестественная кооперация. Гострема, судя по всему, заботило только одно - приткнуть куда-нибудь машину, а там хоть трава не расти. Никаких возражений своих сотрудников он и слушать не желал. Нашей ЭВМ грозила участь присоединиться к уже имевшимся памятникам гостремовской хозяйственной деятельности - где-то раздобытому, но не функционировавшему и давно уже гнившему у кочегарки бульдозеру-экскаватору, и никому не нужному дорогостоящему анализатору импульсов "Тензору", который по приказу Гострема долго и упорно изучала Нина Коренькова, но который так и не нашёл себе применения в обсерватории.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)